

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ТРАНСПОРТНОЕ КОЛЬЦО

Владислав
Выставной

Владислав Валерьевич Выставной
Кремль 2222. Транспортное кольцо
Серия «Кремль 2222»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8286842

*Кремль 2222. Транспортное кольцо : [Фантастиче-ский роман] / Владислав Выставной: АСТ;
Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086744-8*

Аннотация

Недавнего героя и спасителя Кремля Книжника изгоняют по наветам врагов. Остаться одному в мрачных руинах Москвы для него равносильно смерти, но Книжник знает о беде, нависшей над городом. Призрак Последней войны возник из прошлого, чтобы погрузить этот мир в огненную бездну.

Что делать? Бежать, прятаться, молиться?

Или забыть несправедливость – и принять на себя первый удар?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Выставной

Кремль 2222. Транспортное кольцо

© В.В. Выставной

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Пролог

Еда.

Добыча.

Запах живой плоти.

Единственное, что заставляет выйти из мертвого оцепенения.

Из ночной тьмы крадучись возник силуэт, и охотник среагировал мгновенно: тихо зажужжали приводы инфракрасных объективов, впились в кирпичную крошку стальные когти. Системы ожили, выходя из режима гибернации.

Медленно проявилось изображение, сопровождаемое столбцами данных. Картинка вздрагивала, перечеркнутая помехами, тревожно мигал в углу красный символ.

Не хватало энергии.

Не отводя объективов от цели, охотник подался вперед.

Бесшумно не вышло. Расшатанные сочленения корпуса скрипнули – негромко, но достаточно, чтобы добыча настороженно замерла – и вдруг рванулась прочь, в руины.

Теперь скрытность ни к чему. Охотник упруго поднялся в полный рост, сбросив маскировочный хлам и вновь став самим собой.

Разведывательно-диверсионным биороботом типа «мангуст».

Резервный запас энергии устремился к биомеханическим приводам. Мощный толчок – и био устремился вперед. Электронные рецепторы цепко держали запах добычи, сенсоры ловили тепловой след. Расход энергии выведен на максимум – хватит на стремительный, но короткий забег. Это ставка – ставка на жизнь. Холодная, расчетливая: био лишены эмоций.

Удар – старый кирпич разлетелся колючими брызгами. Толчком корпуса охотник расширил узкий пролом, куда нырнула добыча. Взвыли силовые приводы, и когтистая лапа выворотила приличный кусок стены. Чиркнув когтями опорных лап, «мангуст» оттолкнулся и легко нырнул в глубину здания.

Внутренние перекрытия оказались разрушенными: прыжок затянулся, перейдя в падение. Мгновенно оценив ситуацию, био сгруппировался и встретил поверхность как положено – четырьмя пружинистыми лапами. Приземление вышло жесткое. Провал был глубок, а поверхность бугристой, от мощной встряски изображение, транслируемое в мозг с объективов, подернулось помехами, данные датчиков поплыли и выдали ошибку. Покачиваясь в клубах пыли, «мангуст» тряхнул головой – совсем как животное. Еще полсекунды – и системы пришли в норму.

Тут же сенсоры уловили близость добычи. Та затаилась совсем близко. И всем своим наполовину живым существом био ощутил ее страх. Теперь главное – не спугнуть жертву: энергии мало, надо экономить.

«Мангуст» снялся с места и мягко, на четырех лапах, двинулся на запах. Теперь это был настоящий крадущийся хищник, чудовище из ночного кошмара. Поджарое металлическое тело с длинными конечностями и уродливой, сжатой с боков головой вызывало у людей рефлекторный, почти генетический ужас. Это не случайность – это специфика дизайна. Одно из назначений «мангуста» – захват пленных. Потенциальный «язык» должен каменеть от ужаса, а секундного ступора достаточно для успешного захвата. Сейчас, спустя двести лет по окончании боевых действий, скелетоподобный облик «мангуста» все так же бросает людей в дрожь. Но тот, кто пытается сейчас скрыться в развалинах, не совсем человек. Точнее – не человек вовсе.

Это шам. Только сейчас дряхлый органический мозг проанализировал данные и выдал крайне неблагоприятный прогноз.

Охота опасна в принципе. И не только для жертвы: охотник рискует потратить на погоню последние остатки энергии, после чего превратится в ржавый металлический труп с гниющими человеческими мозгами за толщей бронепластин.

Охота на шама опасней вдвойне. Стремительным металлическим телом биоробота управляет живой, некогда человеческий мозг – отличная цель для ментального удара.

Био познали это на собственной металлической шкуре. За каких-то пару столетий армада боевых роботов прошла сквозь самый настоящий естественный отбор. И уцелели лишь те, что сумели приспособиться к новым условиям. Прежний враг отошел на второй план, а затем и растворился вместе с изначальными мотивациями боевых машин.

Новые враги лишены знаков отличий, их не интересует оборона укрепрайонов или захват стратегически важных точек. Их интересует лишь выживание. И многие в этом преуспели – те же шамы, забравшиеся на вершину пищевой цепочки этого мира.

Но охотнику нужна энергия. Значит, надо жрать. А значит – охотиться. И эта попытка может оказаться последней. Системы запущены, в расход отправлен последний энергетический резерв, и назад пути нет.

Системы просканировали темное пространство руин.

Вот он – прячется за обрушившимися потолочными балками. Инфракрасное зрение охотника не дает двуногому ни малейшего шанса.

«Мангуст» сжался – и выбросил себя в воздух, как мощная металлическая пружина. Траектория прыжка рассчитана идеально: толчок от одной стены, короткий бросок к поперечной стенке и от нее – прямо на голову оцепеневшей от страха жертве.

В полете жуткая голова с электромеханическими челюстями поворачивается на сто восемьдесят градусов – чтобы не тратить энергию на разворот всего тела. Следом легко проворачиваются на шарнирах лапы – и «брюхо» «мангуста» становится «спиной».

Био тяжело рухнул в центре теплового пятна. Недоуменно повел жуткой башкой, злобно щелкнул острыми клыками. Добыча улизнула. Шам просчитал его действия. Просто «снял» телепатически примитивные мозговые импульсы врага – и сменил укрытие.

Это плохо. Погоня сожрала больше половины энергетического резерва. Добыча не должна уйти.

Взметнулась пыль, брызнула из-под мощных лап каменная крошка. Сначала вверх, по ржавым балкам, срываясь и рискуя рухнуть и заглохнуть навсегда на дне этого каменного мешка. На этом и строился расчет беглеца: тяжелый робот не должен повторить его путь по легким конструкциям. Это верно для любой разновидности био, но только не для «мангуста», чья конструкция взяла лучшее от человека и дикой кошки.

Прыжок. Еще прыжок.

Поверхность.

И звездное небо над головой.

В глубине металлической башки болезненно вспыхнул сигнал тревоги: энергия на исходе. По инструкции следует немедленно найти убежище, перевести системы в режим консервации и остатки энергии перевести на пеленг. По сигналу радиомаяка на него выйдут «свои» – спасатели или ремонтные био...

Чушь. Никто не придет на помощь. Он давно уже не боевая единица, и своих в этом мире нет. Он – хищник. Его задача – нападать, убивать, жрать. И прятаться – от тех, кто крупнее и сильнее его. Потому последние силы и брошены на этот отчаянный рывок.

Один из них должен умереть. И сейчас станет ясно – кто именно.

Тепловой шлейф становился отчетливее. Шам отчаянно пытался запутать след. Бесплезно. Вот он, засел за бетонным блоком. Укол предупреждающего сигнала: оружие!

Загрохотали автоматные очереди. И тут же заткнулись. Кончились боеприпасы или заклинило оружие – уже не имеет значения. Важно, что пули прошли мимо. Да и не боится

«мангуст» автоматной пули. Наверное, знал об этом и шам, и стрельба эта была лишь свидетельством полного отчаяния.

Хищное металлическое тело стремительно рванулось к последнему убежищу «загнанного зверя», когда одна за другой стали отключаться системы, переводя электронику в режим экономии. «Мангуст» послал тело в последний прыжок... И тут отключилась волновая защита мозга.

Объективы охотника уже выхватили из мрака искаженное страхом уродливое лицо шама. Но мозг вдруг отказался анализировать сигналы и выдавать команды.

На биоэлектронный разум «мангуста» обрушилось то, чему не нашлось определения в стандартном наборе терминов.

Страх. Многократно усиленный и выброшенный в пространство предсмертный ужас мутанта. Ужас, который мгновенно стал для охотника собственным, настолько мощным и нестерпимым чувством, что скальпелем полоснул по искусственным нервным связям, нарушив работу логических систем.

И тут же схлынул: раздавленный грузом металлического тела со стальными когтями шам испустил дух.

«Мангуст», однако, не спешил расчленять добычу и заталкивать ее в бункер встроенного биореактора. Конечно, стоило поторопиться: системы отключались одна за другой, и вскоре могло не остаться энергии на само усвоение пищи. Кроме того, скоро на запах смерти потянутся падальщики.

Но био неподвижно возвышался над телом жертвы. Затем вздрогнул, словно в недоумении обводя взглядом окружающее пространство – мрачный мертвый остов древнего города. Встроенный синтезатор речи пискнул, зашипел. Могло даже показаться, что застонал – от непереносимой тоски и боли. И впервые за двести с лишним лет надтреснутый синтетический голос глухо произнес:

– Кто я?

Глава 1

Вече

Возвращение не было радостным.

Книжник стоял в тени арки, под сводом ворот Спасской башни. Тяжелые железные створы были распахнуты, в глубину древней крепости неторопливо втягивался караван из повозок, скрипящих под тяжестью груза. Ратники из сопровождения с трудом сдерживали радостные ухмылки – дальняя экспедиция удалась, добыча была богатой. Но открытое веселье было бы неуместно: последнее нападение нею едва удалось отбить.

Потери были немалые. Штурмовали Кремль яростно и жестоко. Книжник мрачно смотрел на клубы дыма, все еще расползавшиеся меж стен, видел хмурых воинов-монахов с черными от копоти лицами, устало разгребавших завалы, слышал стоны раненых. Всюду валялись булыжники и дотлевающие угли зажигательных снарядов, выпущенных врагом из метательных орудий. Кое-где вились дымки пожаров. Все видимое пространство усеяли трупы убитых мутов, которым удалось перебраться через стену. Здесь же лежали тела убитых защитников Кремля.

А потому стоять на пороге и дальше было бы малодушием.

Книжник шагнул вперед.

Его ждали. Несколько крепких мужчин в невзрачной одежде уставились на семинариста цепкими взглядами. Старший из них поманил недвусмысленным кивком, мол: «Иди, сюда, родимый!»

Такая встреча не стала сюрпризом. Когда начинаешь выделяться из серой массы, когда ты умнее, смелее, удачливее, когда на тебя неожиданно обрушивается слава и милость князя, это не может не вызвать приступа зависти и злобы. Тем более если ты сам так неудачно подставился. И никому нет дела до того, что ты привел дружину к стенам Кремля в самый разгар боя с ненавистными мутами. Ведь чтобы сделать это, пришлось совершить немислимое – сбежать из-под стражи. И можно до хрипоты доказывать, что в Тайном приказе его держали по наветам и наговорам, что он действовал на благо защитников крепости, – все это не имело значения. Не имело значения даже то, что сбежал он не по собственной воле – тогда, чуть ли не насильно, его вытащила из темницы Хельга. Но для этих людей все более чем ясно: он напал на опричников, он предатель и враг.

Семинарист повиновался, шагнул навстречу этим страшным людям. Воли к сопротивлению не было. Но чья-то тяжелая ладонь, опустившись на плечо, остановила его.

– А ну, стой! – произнес знакомый голос.

Книжник обернулся. Данила! Не последний в Кремле дружинник, герой, можно сказать. Да с недавних пор еще и боевой товарищ. Парень несколько приободрился: ратник всей своей статью выражал уверенность и силу. Не боялся он этих «гражданских», как не боялся мут, Полей Смерти и самого черта.

– Куда вы его? – спокойно глядя на хмурых «штатских», поинтересовался дружинник.

– Опричники Тайного приказа, – со сдержанной улыбкой произнес старший. – Государственный преступник он. Задержать велено.

– А по мне, так на нем не написано, что он преступник, – невозмутимо отозвался Данила. – По-моему, он герой, и встречать его полагается как героя.

– В Приказе разберутся, – небрежно бросил опричник, направляясь к Книжнику. И наткнулся на мощную фигуру дружинника.

– Это что же получается – сопротивление при аресте? – с холодным любопытством спросил опричник. – Да еще со стговором и пособничеством?

– А хоть и так, – не стал спорить Данила, спокойно разглядывая опричника. – Насколько я знаю, он княжий советник, верно? Вот лично князю я его и передам.

Опричники стали угрожающе надвигаться на воина. Звякнул металл, сверкнули потайные ножи, кистени, у кого-то из рукава вывалился тяжелый железный шар на цепи.

– Да ладно, – усмехнулся ратник, кладя руку на рукоять меча. – Вы это всерьез, что ли, с дружинником биться вздумали?

Опричники остановились. И то верно: лезть в драку с настоящей машиной смерти – это не школярам руки заламывать.

– Много на себе берешь, ратник! – процедил старший опричник. Коротко окинул взглядом своих товарищей. – А ну, пойдем, ребята. Мы еще посмотрим, на чьей стороне князь будет.

– Приятно было побеседовать, – бросил вдогонку дружинник.

И уже совершенно серьезно обратился к Книжнику:

– Чего им надо? Натворил чего?

– Долгая история, – вздохнул Книжник.

– Ну, пойдем, расскажешь, – предложил Данила. – Эти так просто не отстанут. Если чем насолил им – все равно достанут.

– Это уж я знаю, – отозвался семинарист.

– Но мы своих в беде не бросаем, – сказал Данила, быстро продвигаясь вперед. Взгляд его расслабленно скользил по округе: сказывалась привычка разведчика – всюду примечать опасность.

– Какой же я свой? – шагая вслед ратнику, слабо улыбнулся Книжник. – Вы – дружина. Опора Кремля, элита и все такое. А я только семинарию закончил, и больше бед натворил, чем добра принес.

– Э, брат, да ты совсем скис, – покачал головой Данила. – Запомни: боец должен стоять на своем. До конца.

– Так то боец...

– Ты и есть боец. Я слышал о тебе. А недавно – видел в деле. Идем, я знаю место, где они тебя не достанут.

Это был древний подвал, темный, но на удивление уютный. Наверное, из-за обилия потемневшего дерева внутри да ощущения того, что здесь часто бывают люди. Длинным рядом стояли пузатые бочки, толстый служитель в кожаном фартуке деловито протирает глиняную кружку.

– Хмельной погреб, – пояснил Данила. – Только ратникам сюда путь открыт. Во-первых, брага сохранней будет – продукт-то стратегический. Во-вторых, дисциплина: пьянство у нас исключается. Но после боя полагается немного расслабиться. Так нас лекари уверяют, а мы и не спорим.

Данила рассмеялся и подтолкнул Книжника к длинному столу, за которым на лавках сидели усталые ратники. Большинство уже скинуло тяжелые доспехи. Кто возился с оружием, кто задумчиво глядел в кружку с квасом, а небольшая группа бойцов на дальнем конце стола негромким разноголосием выводила какую-то тягучую песню.

– Ну что приуныли, братцы? – зычно крикнул Данила. – Не испить ли нам победную братину?

Тут же как из-под земли вынырнул служитель и выставил широкую плоскую деревянную чашу с узорчатыми рукоятями. Данила поднял чашу, задумчиво посмотрел в янтарную глубину, произнес:

– За павших братьев!

Сделав глоток, передал братину хмурому дружиннику по правую руку.

– За павших братьев! – повторил тот и отпил из братины.

Ритуал повторился столько раз, сколько воинов было в погребке. Наконец чаша оказалась в руках Книжника. Данила молча посмотрел на него. И Книжник робко поднес к губам тяжелый сосуд.

– За павших братьев! – дрогнувшим голосом произнес он. И хлебнул. С перепугу даже слишком усердно. Тут же закашлялся с непривычки: мед оказался крепок.

Данила рассмеялся, забрал у него братину и передал служителю.

– Считай, и ты стал одним из нас, – сказал он, устраиваясь на лавке. – Не ратником, конечно, но воином. А теперь садись и рассказывай подробно. Эй, Никола, квасу нам и погрызть чего-нибудь. А то гость совсем бледный, глядишь, от глотка браги свалится.

* * *

Ничто так не способствует разговору, как мед, сваренный по старинным рецептам.

– Вот... – Книжник показал небольшой металлический цилиндр, висевший на шее рядом с ладанкой и крестом. – Вот это им нужно. У кого эта штука – у того власть над био.

– И откуда у тебя эта диковина? – спросил Данила, разглядывая необычный предмет.

– Из Бункера, что на Садовом кольце.

Ратники переглянулись. Многие слышали, что этот паренек побывал в тех далеких местах, что именно он привел к стенам Кремля чудом уцелевший народ – вестов. Но даже маленький реальный предмет производит куда более сильное впечатление, чем самые странненькие разговоры.

– А говоришь – не боец, – Данила хлопнул его по плечу. – Не каждый ратник до Садового добирается, да и еще такой трофей приносит!

– Да теперь уже сам не рад, что принес.

– И что думаешь делать? Может, отдать им эту хреновину – да и дело с концом?

– Я бы и отдал – если бы знал, что это на благо пойдет. А как не в те руки такая власть попадет? Я-то с опричниками уже познакомился. Выдают из тебя, что хотят, только жмых на помойку и выкинут. Им ведь этого ключа мало – они хотят «заговорное слово» знать.

– Что за «заговорное слово»?

– Коды управления, они на био без ключа действуют. Как я им в лапы попадусь – они его из меня выжмут: я боли боюсь и пыток не выдержу...

– Хочешь, научу останавливать сердце? – неожиданно предложил Данила.

– Зачем?! – вздрогнул Книжник.

– Чтобы мучений избежать. Скажем, решат тебя муты сожрать заживо или запытать кто задумает...

– Нет уж! – испуганно замотал головой Книжник. – Пусть уж лучше пытаются – так хоть шанс выжить. А то решу с собой покончить с перепугу – ну его в баню!

– Правильно, – одобрил Данила. – Держаться всегда нужно до последнего, иначе б нас давно уже смяли. На том и стоим. А вот в лапы ребятам из Тайного приказа тебе и вправду лучше не попадаться... – Он помолчал, вздохнул. – Тяжелое у тебя положение. Обвинение в измене, теперь еще и нападение на опричников припишут... Даже не знаю... Служивые из Тайного приказа не зря свой хлеб жуют. Измену они за версту чувствуют, за то их и держат. И коли случился у них какой прокол – ни за что не отступят и своей неправоты не признают. Это как йод: он и заразу убивает, но и жжется больно.

– Я и сам понимаю, что нет мне прощения, – поник головой Книжник. – Никакие цели не оправдывают нападения на опричников. И уж тем более не простят Хельгу – хотя бы потому, что она из чужаков.

– Да, дело серьезное, – не стал его утешать Данила. – Где же сейчас твоя подруга?

– У своих, у вестов. Какое-то время будет в безопасности – по договору с Кремлем опричники не могут появляться на территории Форта без согласия Совета Вдов. Но по тому же договору весты не могут укрывать княжьего преступника. То есть преступницу. Все равно будет суд, так что долго скрывать не выйдет.

Семинарист запнулся: Данила крепко треснул кулаком по столу.

– Вот что, – решительно сказал он. – Надо опередить их. Ты заслуживаешь того, чтобы твое дело решалось не в Тайном приказе, когда князю лишь бересту на подпись сунут, а открытым судом, на Вече. Тут уж народ на твоей стороне будет! А князь против народа не пойдет, даже если его убедили, что ты преступник.

– Только я в том уже не уверен, – мрачно отозвался Книжник. – Для всех я преступник. Предатель. Другого и видеть не хотят.

– Темные делишки тьмы любят, – прищурился Данила. – На солнышке ложь плохо смотрится. Правда – она свет любит, а в твоей правоте я уверен.

* * *

На Ивановской площади было шумно. Вече – событие в Кремле нечастое, а для обитателей крепости даже суд – праздник. Да и поглазеть на настоящего изменника хотелось каждому. Особенно любопытным мальчишкам, которые шныряли всюду, норовя прошмыгнуть под ногами и даже пролезть сквозь центральное оцепление из караульных ратников. Когда нет особых развлечений, а жизнь трудна и сурова, поневоле начнешь искать праздника в любом народном сборище.

Обладатели права голоса гордо держались в первых рядах. Конечно, решения Вече не имеют обязательной силы. Просто князь с боярами решили-таки послушать, что народ думает. Не всем боярам и княжим советникам нравилось происходящее, да только не пойдешь против князя, коли тот постановил так, а не иначе. У него тоже положение не из простых: можно, конечно, волевым решением приговорить обвиняемого, да и дело с концом. Но раз вступилась за него дружина, да сам отец Филарет – значит, не так все просто. Вече любому решению предаст легитимность, будет считаться справедливым, а это лишь укрепляет княжью власть. Правда, это же подрывает авторитет обвинения, что здорово злит опричников. Да в том и политика – удержать тонкий баланс сил в тесном котле последнего человеческого анклава. Это подсудимому ясно, кто друг, а кто враг. Князь же все видит совсем с другой точки зрения. Под ним, по сути, все равны, так как каждый является носителем драгоценного человеческого генофонда. С этой точки зрения интересы большинства преобладают над интересами отдельной личности. Если даже самый лучший из его советников станет причиной кровавой распри, то правитель просто вынужден будет вынести решение не в его пользу.

Князь взирал на толпу с высоты помоста в тени Грановитой палаты. Там он восседал во главе тесной группы советников, в окружении думских бояр. Среди них должен был находиться и Книжник – как самый молодой советник, так быстро взлетевший и обретший небывалое доверие князя.

Но сейчас его место здесь, внизу, на камнях площади, в окружении недоверчивых и даже враждебных взглядов. Люди знают про него многое. Он принес Кремлю немало добра, расширил границы известных земель, раскрыл глаза на природу явлений, указал путь к ресурсам. Но, как известно, люди склонны помнить услышанное последним. А в последние дни только и кричат, какой он изменник, коварный шпион, наймит поганых мутов. И теперь, глядя в суровые лица кремлевских, парень ощутил сомнение и робость.

Они не поверят. Еще стоят перед глазами жуткие картины последнего штурма, еще несет гарью пожарищ и погребальных костров. И по какой-то нелепой прихоти судьбы во всех бедах склонны обвинить именно его.

Потому что он – не такой, как все.

Князь неторопливо поднялся с простого деревянного кресла, и толпа почтительно стихла.

– По просьбе достойных и уважаемых людей, я обращаюсь к народу Кремля, – заговорил князь, и его сильный голос был отчетливо слышен по всей площади, отражаясь от древних стен. – Перед вами юноша, имя которого известно каждому. Он был приближен ко мне по заслугам, и его же обвиняют в тяжких преступлениях. Не желая принять скоропалительное и несправедливое решение, вверяю его судьбу суду народного Вече.

Князь опустил в кресло и принял позу стороннего наблюдателя. Вперед вышел дьяк Судебного приказа, облаченный в черное коренастый мужчина с тяжелым взглядом. Оглядев толпу, он проговорил тяжелым басом, не особо повышая голос:

– Княжим повелением начинаем суд народного Вече! Смотрите, слушайте и не говорите потом, что не слышали. Начнем с обвинения. Кто там из Тайного приказа? Выходи, твое слово!

В центр арены, образованной оцеплением, молча выдвинулся человек невзрачной внешности, и в нем Книжник, пусть и не без труда, угадал своего знакомого дознавателя – опричника, который допрашивал его в казематах Тайного приказа. Семинарист снова поймал себя на мысли, что это порода у них такая, особенная – все на одно лицо, ни из толпы выделить, ни запомнить. Опричник неторопливо направился в сторону обвиняемого. Книжник невольно попятился, его придержали за плечи крепкие руки стражников. Дойдя до ступеней, ведущих к княжеской «ложе», опричник развернулся, словно обращаясь к толпе. Так и положено, раз решение отдано на Вече. Но было ясно: свои слова чиновник обращает в большей степени к князю и боярам, державшимся ближе к Грановитой палате.

– Ну, что тут скажешь? Изменник – он изменник и есть, – заговорил опричник. Поднял над головой сверток берестяных грамот, туго перетянутых бечевой с сургучной печатью. – Вот здесь у меня – протоколы допросов. Подсудимый лжет, сбивает с толку следствие. А все почему? Потому что спутался с чужаками. Все знают – у Кремля друзей нет, есть лишь враги. И таких врагов он привел, да и поселил рядом с нами...

– Это не твоего ума дело, – жесткий голос князя оборвал опричника, заставив того нервно сжаться. – Решение по вестам принимала Боярская дума. Мы же говорим об измене и изменнике.

– Давай по существу обвинения! – косясь на князя, крикнул дьяк Судебного приказа.

– Хорошо, – к опричнику вернулась прежняя невозмутимость. – В этих документах достоверно доказано, что именно с подачи обвиняемого в самое опасное для Кремля время была отослана за Садовое кольцо большая часть дружины. Обвиняемый явно знал о готовящемся нападении нео!

– Но экспедиция вернулась с добычей! – возмущенно крикнул Книжник.

– А ну, тихо! – гаркнул дьяк. – Тебе еще будет дано слово. Обвинение, продолжай!

– Добыча добычей, – мрачно усмехнулся опричник. – Но какой с нее толк, если бы нео ворвались в Кремль? А я скажу: дружина привезла бы добычу победившим мутам!

По толпе разнесся возмущенный гул. Ужас недавнего сражения все еще не отпускал людей. Давно уже Кремль не стоял так близко от гибели, все понимали и чувствовали это.

Книжник сжал кулаки, от обиды на глазах проступили слезы. Ему было что сказать, но он понимал: нужно держаться в рамках судебного порядка. Опричник же, почувствовав поддержку толпы, повысил голос:

– И можно было бы еще сомневаться – мол, мы ошиблись, зря обвинили беднягу. Хоть и не может такого быть, ведь все знают – Тайный приказ всегда выясняет истину! Преступник получает по заслугам, невиновный – прощение. Ведь так?

Чиновник обернулся к толпе, но на этот раз не получил одобрения. Люди ждали продолжения. И опричник, сжав кулаки, злобно выкрикнул:

– Но он бежал! Трусливо бежал из-под стражи! Значит, ему есть что скрывать! А?! Я сам вам отвечу – есть! Иначе зачем было убивать и калечить служителей Тайного приказа?!

– Мы никого не убили! – выкрикнул Книжник, но его слабый голос потонул в возмущенном гуле.

– Они подло напали и покалечили моих товарищей! – потрясая кулаками, вопил чиновник. – Тех, кто защищает вас от врага, стремящегося уничтожить нас изнутри!

– Хреново защищаете! – насмешливо раздалось из толпы. – Мальчишку да бабу запрети удержать не смогли!

По толпе разнеслись смешки. Опричника перекосило.

– А ну тихо там! – прикрикнул дьяк. – Смутьянов прикажу хватать – и в карцер!

Обвинитель взял себя в руки и продолжил:

– Мне не дали сказать о том, кого я считаю «пятой колонной», затаившейся среди нас. Я не буду говорить о том, что девчонка воспользовалась нашей добротой и подло ударила нам в спину. Она еще предстанет перед судом. Но сейчас я прошу признать виновным того, кто замыслил уничтожить всех нас, кто поднял руку на то, что наши отцы и деды сохранили в страшной двухсотлетней войне. Вы хотите жить дальше? Хотите жизни вашим детям? Хотите свободы и счастья? Тогда осудите изменника по всей строгости наших обычаев и законов!

Опричник ткнул пальцем в Книжника. Толпа угрожающе загудела. Семинарист опустил взгляд, вжал голову в плечи.

– Кто еще поддержит обвинение? – крикнул дьяк.

– Я! – вскинув руку и выдвигаясь из плотно стоящего «боярского» ряда, пробасил тучный боярин. – Все меня знают, я человек уважаемый, по рождению боярин, а по имени Малюта. И вот я что вам скажу, люди добрые! Вы подумайте хорошенько: он же не просто изменник, он к самому князю вхож был, и вообще – в советники пробрался. Заболтал красивыми обещаниями – и ужалил, как пригретая на груди змея! Если хотите знать, я вообще считаю, что не кремлевский он давно! Подменили его муты поганые, пока он по поганым местам без присмотра-то шастал! Все знают, что за Кольцом – нечисть да колдовство лютое! Одно слово – оборотень!

Людская масса беспокойно заколыхалась. Не то, чтобы люди всерьез верили в оборотней. Да только случалось уже такое – когда злобному муту ценой золота и предательства удалось подобраться к самым вершинам кремлевской власти. И не просто муту – вождю сильного, враждебного клана Краггов. И тут уж правда на стороне Малюты: хотел этот злыдень известить всех кремлевских, развалив оборону Кремля изнутри. История известная, и ее повторения никому не хотелось, так что боярин сделал сильную ставку.

Толпа злобно зарычала. Кто-то выкрикнул:

– Повесить мерзавца, да и дело с концом!

Выкрик поддержали одобрительные возгласы.

– И я поддержу обвинение – со стороны духовенства, – решительно заявил подавшийся вперед священнослужитель. Это был давно обозленный на семинариста наставник, отец Никодим. Книжник лишь застонал от досады: этот-то чего лезет?

– Я давно заприметил, – продолжил отец Никодим. – В этого мальчика словно бес вселился! До своего ухода из Кремля был он юноша кроткий, хотя и вольнодумствовал, случа-

лось. Теперь же стал дерзок и богопротивен. Не искушайте Господа – примерно накажите изменника!

– Да ты, Никодим, похоже, совсем умом ослаб, – раздался новый голос. – Сдается мне, ты сам искушаешь Бога, раз лезешь в обвинители. Или забыл, что тебе по сану не положено в светском судилище участвовать?

Толпа расступилась, и вперед, опираясь на посох, вышел худощавый седой старик в поблекшей от времени рясе. Это был отец Филарет. Авторитет его был достаточно велик, чтобы толпа притихла, прислушиваясь к словам старца.

– Раз в обвинение подались лица духовного звания, я уравновешу чаши весов правосудия, – ровно проговорил отец Филарет. Сдержанно поклонился князю, повернулся к дьяку Судебного приказа:

– Обвинение, вроде как, высказалось? Не пора ли дать слово защите?

– Да, конечно, – почтительно закивал дьяк и повысил голос: – Слово предоставляется защите!

– Вот и славно, – сказал отец Филарет. Обернулся к толпе. – Люди добрые, не все из вас принадлежат к моей вере, но все знают меня и не могут упрекнуть в несправедности моих суждений...

Старец помолчал, вслушиваясь в одобрительные возгласы. Кивнул и продолжил:

– Я не берусь утверждать, что этот юноша не делал ничего из того, о чем говорил представитель Тайного приказа. Ложь противна мне, и я не хочу строить защиту на лжи. – Филарет указал на насупившегося Книжника. – Он и сам мне признался: да, бежал, да, ранил нескольких служителей Тайного приказа. Возможно, за это и следует наказать. Но где здесь измена? Он бежал потому, что его не хотели слушать! Он бежал от несправедливости. Каково слышать подобные обвинения тому, кто рисковал жизнью ради спасения целого народа? И даже двух разных народов, что теперь пытаются жить и бороться вместе! Почему же его обвиняют во всех смертных грехах? Не потому ли только, что он перешел кому-то дорогу?

Теперь заволновались боярские ряды. Особенно возмущался, фыркая и вскрикивая, Малюта. Князь жестом остановил волнение. Филарет продолжил:

– Вы же видите: он сам пришел на суд, как до этого сам вернулся к нашим стенам, когда Кремлю грозила опасность. Он не скрывался, не бежал – он пришел, чтобы биться с нами!

– Он сам привел дружину к Кремлю! – выкрикнул Данила, стоявший в первом ряду участников Вече. – Он прислал нам послание, без этого мы просто не успели бы!

– Именно он разомкнул Кольцо, снял блокаду и дал нам еще один шанс на выживание, – сказал Филарет. – Не все из вас это знают, как не знают и многого другого. Как же вы можете судить его?

На этот раз в людском гомоне послышалась растерянность.

– Как же ты предлагаешь судить его, отче? – с почтением спросил князь. – Как ни крути – обе стороны в чем-то правы.

– Может быть, «полем»? – насмешливо выкрикнул Малюта. – Ты готов выйти на «Божий суд», отче?!

Бояре расхохотались. Засмеялись и в толпе, представив, как старец выходит биться за интересы изменника. «Божий суд», он же «поле» – вещь страшная, это не языком чесать.

– А что же, – неожиданно серьезно сказал отец Филарет. – «Божий суд»? Пусть будет так. Бог справедливее толпы. Согласен ли ты, княже?

Филарет посмотрел на князя. Тот задумался ненадолго, сказал, чуть прищурившись:

– А пусть решит Вече! Не зря же оно здесь собралось!

– Согласно ли Вече – решить дело «полем»? – крикнул дьяк Судебного приказа.

– Согласно! – заволновалась толпа.

– «Поле!»

– «Божий суд!»

– Это по справедливости!

– Да будет так! – торжественно провозгласил советник.

Старец перевел взгляд на Книжника.

Тот был бледен. Он не мог поверить, что отец Филарет так с ним поступит, подведет его к этой черте. «Поле» – это не словесная перепалка. Это настоящая схватка, к которой обвинение наверняка подготовилось лучше. Он, Книжник, воин никудышный, и коли выставят против него крепкого опричника, привыкшего к хорошей драке да владеющего тайными приемами, – его дело труба. Если, конечно, за него не вступится кто-то. Может, Данила?

– «Поле» так «поле», – усмехнулся опричник. И сделал знак кому-то позади себя.

Это было худшим из того, что предполагал семинарист. Из толпы, через оцепление, вышел здоровенный дружинник. Книжник растерянно перевел взгляд на Данилу, стоявшего поблизости. Увидев растерянное лицо ратника, понял, что проиграл.

Данила никогда не станет биться с товарищем по оружию. Никакие слова и высшие интересы не будут для него сильнее боевого братства. Опричники здорово просчитали его.

Филарет невозмутимо стоял в центре арены.

– Напоминаю, – торопливо выкрикнул дьяк, – духовное лицо не может биться с ратником!

– Я знаю, – отозвался отец Филарет. – Да не смог бы ратник поднять на меня руку, и «Божий суд» бы не состоялся.

– Видать, придется ему самому биться, – глядя на Книжника, оскалился ратник. Только не было в этой улыбке доброжелательности: воин искренне считал Книжника изменником и предателем.

– Не придется! – разнеслось по Ивановской площади, и толпа удивленно замерла, глядя на нового человека, появившегося в центре судного круга. Кому-то уже довелось его видеть здесь, многие узрели впервые, но и первые, и вторые не скрывали любопытства. Ведь этот человек совсем не был похож на кремлевского. Одежда, оружие, длинные светлые волосы и рубленые черты лица выдавали в нем воина народа вестов. Потомка врагов, неожиданно ставшего союзником.

– Зигфрид! – Книжник подался вперед и зашипел от боли, когда крепкие пальцы стражников стиснули его плечи.

Воин глянул на обвиняемого и, не изменившись в лице, едва заметно подмигнул ему. После чего спокойно направился к центру арены. Стражники не сводили с него настороженных взглядов, но не препятствовали, повиновавшись знаку отца Филарета.

– Я готов драться за него, – объявил Зигфрид.

– По какому праву?! – выкрикнул опричник. – Ты не кремлевский, и негоже тебе в «Божий суд» лезть!

– Вот как? – усмехнулся Зигфрид. – Может, мне негоже было и за Кремль биться, когда на него Орда наседала? Может, и Книжнику негоже биться, раз вы считаете его нелюдем?

– Да хватит болтать, давай все решим делом! – нетерпеливо отмахнулся ратник. – Каким оружием драться хочешь?

– Вот этим! – Зигфрид поднял над головой руки в перчатках из потертой кожи. – Справедливо?

Толпа одобрительно загудела.

– Ну тогда держись! – расхохотался ратник, отбрасывая в сторону тяжелый ремень с ножами и потуже натягивая бойцовые кольчужные рукавицы.

На камни полетел окованный металлом пояс веста с двумя кобурами, из которых торчали рукояти револьверов. Дьяк торопливо дал отмашку – наверное, понял, что схватку уже не остановить: